

О. В. Зубова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия)*

**Специфика работы с произведениями В. Шукшина на занятиях
по русскому языку как иностранному**

*русский язык как иностранный, произведения В. Шукшина, рассказ «Стенка»,
использование художественной литературы на занятиях по РКИ*

В. Шукшин является одним из наиболее ярких представителей значимого для русской литературы XX века направления – деревенской прозы. Получающие высшее образование в России иностранные студенты-филологи в большинстве своем знакомятся с отдельными произведениями Шукшина в рамках обязательных курсов по литературе, а также, возможно, на занятиях по языку специальности. В то же время опыт изучения рассказов Шукшина в «нефилологической» аудитории показывает, что данные тексты в значительной мере способствуют формированию у учащихся страноведческого и социокультурного компонентов коммуникативной компетенции, в связи с чем могут быть представлены на занятиях по практическому русскому языку в случае их релевантности стоящим перед данной иностранной аудиторией целям и задачам обучения, а также уровню владения учащимися русским языком. Помимо этого, исследователи отмечают богатство языка писателя, что также может быть небезынтересно иностранцам. Так, Лю Лицзюнь относит героев Шукшина к представителям национальной языковой личности [Лю Лицзюнь, 2009]. Исследователь показывает, что диалоги шукшинских текстов тяготеют к двум моделям речевого поведения: спору и ссоре, а также душевному разговору, которые представлены как основополагающие для русского менталитета. В то же время следует иметь в виду, что герои Шукшина представляют собой лишь отдельные ипостаси русского национального характера и, следовательно, языковой личности. При анализе произведений писателя в иностранной аудитории необходимо помнить о значительной доле автобиографизма в шукшинском творчестве, зачастую накладывающем зримый отпечаток на образы его героев.

Так, центральные персонажи «Печек-лавочек», «Калины красной», «Я пришел дать вам волю» несут отголоски личности Шукшина. Иван Расторгуев поднимает проблему пьянства, Егор Прокудин в гиперболизированном виде

повторяет биографическую ситуацию Шукшина, связанную с участием в деятельности банды. Несмотря на стремление писателя воссоздать исторически достоверный образ Степана Разина, многие черты атамана также автобиографичны. Шукшину был духовно близок противоречивый Разин из романа «Я пришел дать вам волю», защитник обиженных и угнетенных, близка его страстная, жалостливая и в то же время жестокая натура. Глубокий психологизм шукшинских героев очень часто являлся следствием специфики авторской противоречивой природы. Постоянные думы о судьбе народа, начитанность, живой и цепкий ум не всегда были по достоинству оценены как сокурсниками (зачастую представителями элиты), так и преподавателями ВГИКа, а позднее – коллегами по сцене и творчеству. Привычка защищаться была изначальной особенностью характера Шукшина, особенно укрепившейся после его переезда в Москву. По воспоминаниям В. Белова, «...даже будучи признанным всею страной, он шел по долине и озирался каждую секунду, ожидая ядовитого укуса, змеиного броска» [Белов, 2002, с. 11]. Здесь в первую очередь необходимо искать истоки тяготения шукшинских героев к спорам, ссорам и душевным излияниям.

Богатство языка произведений писателя трудно подвергнуть сомнению. В то же время тексты Шукшина представляются достаточно сложными для восприятия в иностранной аудитории в связи с обилием разговорной, просторечной, диалектной лексики, нестандартных синтаксических конструкций. Наиболее значительную по объему группу просторечий составляют глаголы, среди которых встречаются такие лексемы как *замарать*, *сварганить*, *звездануть*, *вякать*, *тараторить*, *харахориться*, *окочуриться*, *загнуть* и т. д. Также в текстах широко представлены существительные и прилагательные (часто со значением характеристики человека): *бестолочь*, *дубина*, *лоботряс*, *трепач*, *непутевый*, *башковитый*, *незанозистый*, *ошалелый*, *шебутной* и т. д. Помимо просторечий используются сложные для иностранцев сравнения: *с лицами красного шершавого сукна*, *шарахался по жизни как по загону*, *валялся в ней как сытый жеребец в спелом овсе* и т. д. Существенную трудность представляет также присутствие в текстах писателя лексико-фонетических вариантов слов: *должон*, *ничо*, *те* (тебе), *ишо*, *ездют*, *сурьезно*, *щас*, *чево*, *када* и т. д. Существует мнение, согласно которому использование на занятиях по практическому русскому языку текстов, изобилующих подобными лексемами, считается целесообразным и способствующим достижению целей и задач урока. Так, И. Попадейкина [Попадейкина, 2012] предлагает

иностранным учащимся выполнить следующее задание: прочитать фрагмент из произведения В. Шукшина «Раскас», затем исправить ошибки и объяснить цель их употребления автором. В качестве иллюстрации приведем небольшой отрывок из данного рассказа: *«Значит было так: я приезжаю – на столе записка. Я ее не буду тириказывать: она там обзыватья начала. Главное я же знаю, почему она сделала такой финт ушами. <...> Она вобчем то не дура, но малость чокнутая нащет своей физиономии. <...> Эх, учили вас учили гусударство деньги на вас тратила, а вы теперь сяли на шею обчеству и радешеньки!»* [Шукшин, 2005, с. 464]. Признавая оригинальность и смелость такого подхода к использованию шукшинских текстов, нельзя не отметить, что данное задание, отнесенное автором к разряду «грамматических, орфографических, лексических упражнений» [Попадейкина, 2012, с. 141], на наш взгляд, требует от учащихся владения навыками лингвостилистического анализа текстов художественной литературы и в связи с этим может быть предложено иностранцам-филологам, учащимся старших курсов бакалавриата, а также магистратуры, хорошо знакомым со стилистическими особенностями русского языка. В иных случаях, на наш взгляд, требуется значительная адаптация произведений Шукшина с учетом уровня владения иностранцев русским языком, а также целей и задач их обучения.

Указанные выше особенности творчества В. Шукшина обусловили практическое отсутствие текстов писателя в книгах для чтения и учебных пособиях для иностранцев. Среди писателей-классиков особенно популярными являются Паустовский и Чехов, также авторы пособий отдают предпочтение Пушкину, Бунину, Вересаеву, Булгакову, Нагибину, Куприну, Гаршину и некоторым другим писателям. Произведения Чехова, в отличие от шукшинской прозы, содержат меньшее количество нестандартной лексики, их адаптация, на наш взгляд, проходит не настолько болезненно для сюжета и проблематики произведений. Кроме того, в произведениях Чехова представлен новеллистический тип сюжета, для которого характерно острое, центростремительное, зачастую парадоксальное развитие событий. Соответственно, в тексте создается интрига, привлекающая читателей, в том числе иностранцев. Шукшин, как известно, во многом наследует чеховские традиции, среди которых следует упомянуть лаконизм повествования, преобладание диалогов, сочетание бытовых, обыденных, и нетипичных ситуаций. В то же время значительная роль в шукшинских текстах отведена художественным средствам: нестандартные лексико-синтаксические

конструкции, которые в первую очередь требуют замены, а в лучшем случае полного изъятия из текста в процессе адаптации, зачастую отсылают читателей к подтексту произведения, вскрывают мотивы поступков героев.

Так, представленный ниже фрагмент рассказа Шукшина «Степка» создает своеобразный эмоциональный фон произведения, отражает богатый внутренний мир заглавного героя, проливает свет на причины его побега из тюрьмы, отражает авторское отношение к описываемому фрагменту действительности и поступку героя: *«И в тополях, у речки, что-то звонко лопаются с тихим ликующим звуком: пи-у. Лед прошел по реке. Но еще отдельные льдины, блестя на солнце, скребут скользкими животами каменистую дрсеву; а на изгибах речных льдины вылезают синими мордами на берег, разгребают гальку, разворачиваются и плывут дальше – умирать. □...□□Вечерами, перед сном грядущим, люди добреют»* [Шукшин, 2005, с. 335]. Озвученная героем рассказа Степкой мотивация побега, совершенного за три месяца до окончания срока заключения («А вот – пройтись разок... Соскучился» [Шукшин, 2005, с. 344]), может быть не совсем адекватно воспринята читателями, в особенности иностранцами, однако фрагменты с изображением природы, неторопливого весеннего вечера, написанные от лица автора-повествователя, однако в полной мере созвучные ощущениям главного героя, призваны убедить читателей в тонкости его душевной организации и раскрыть мотивы на первый взгляд бессмысленного поступка героя, легшего в основу сюжетной канвы рассказа. Подобные фрагменты чрезвычайно важны в текстах Шукшина, их утрата в рамках адаптации текстов может повлечь нарушение фабулы произведения, обеднение его проблематики.

Таким образом, выбирая в качестве материала для занятия в иностранной аудитории произведения В. Шукшина, важно обращать внимание не только на преимущества текстов писателя, такие как богатство языка, насыщенность произведений историко-культурными реалиями, но и на специфику текстов, введение которых на занятиях в неадаптированном виде в большинстве случаев представляется нецелесообразным, в то время как их адаптация может оказаться губительной для идейного содержания того или иного произведения.

Литература

1. Белов В.И., Заболоцкий А.Д. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром / Василий Белов, Анатолий Заболоцкий. М.: Советский писатель, 2002. 176 с.

2. Лю Лицзюнь. Герой рассказов В. Шукшина как национальная языковая личность. Дис. канд. филол. наук. СПб: С.-Петербург. гос. ун-т, 2009. 208 с.
3. Попадейкина И. Художественный текст на занятиях по русскому языку как иностранному // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного / под ред. И Попадейкиной и Р. Чахора. Вроцлав, 2012. С. 136-144.
4. Шукшин В. М. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3.: Повести; Рассказы. Москва: Литература; Престиж книга; РИПОЛ классик, 2005. 560 с.